

В кузнице Марины Цветаевой | La forge de Marina Tsvetaieva

Auteur: Жорж Нива (Пер. Н. Сикорской), [Женева](#) , 09.01.2012.

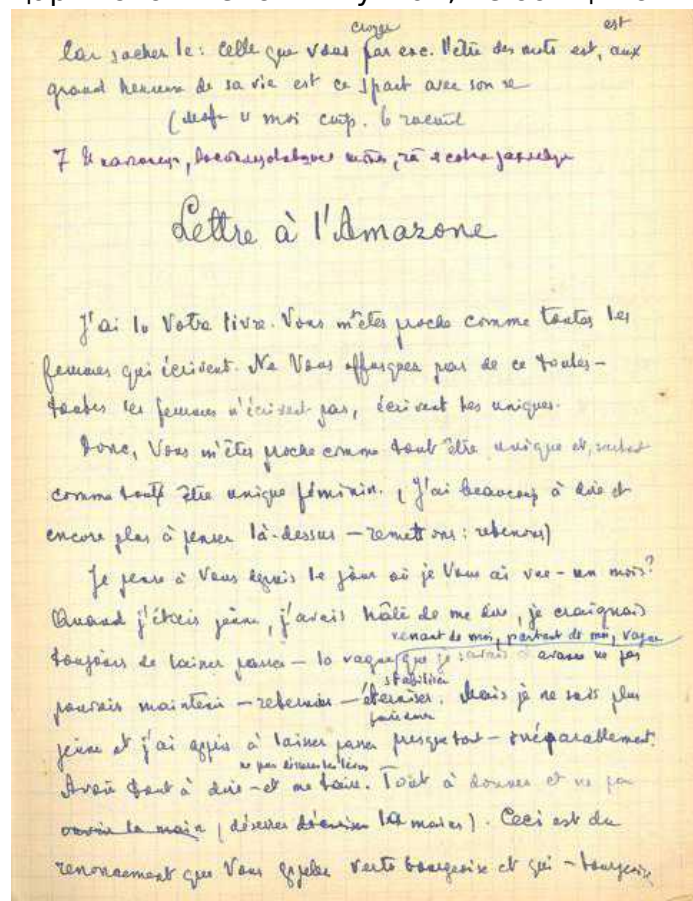
19 января в женевском книжном магазине Rameau d'Or состоится вечер, посвященный публикации издательством Editions des Syrtes «Красной тетради» великого русского поэта. Предлагаем вашему вниманию предисловие к ней, написанное одним из инициаторов проекта, почетным профессором Женевского университета Жоржем Нива.

Le 19 janvier la librairie genevoise Le Rameau d'or vous invite à une soirée à l'occasion de la sortie du "Cahier Rouge" de Marina Tsvetaieva. Voici le texte du préface écrit par professeur Georges Nivat.

La forge de Marina Tsvetaieva

«Братство прокаженных» - так Марина Цветаева определяет, по-французски, фатальное «сестринство» девушек, соблазненных сафической любовью, приговоренных натурой, натурой - «обольстительницей, охотницей, вампирской». Употребила бы она по-русски такое сильное, такое странное слово? Прокаженные - это все отверженные обществом, Орленки, Жанны д'Арк, и все подвергаемые пыткам.

Как автор «Письма к Амазонке» переходит с одного на другой берег полов, находя приют в мужчине, потому что "женское Я" не может дать ей ребенка, так и Цветаева-писатель переходит с одного на другой берег этого странного речевого потока, ее потока, в котором сливаются воды французского и русского, словно один язык – приток другого. Странное стечение и отстояние языков. И особенно в тетради, в красной ученической тетради, в клеточку, толстой, которую она заполняет с двух концов, которую пересыпает языковыми вкраплениями - эта тетрадь таит в себе тайну кузницы слов. Кузница слов Марины Цветаевой – это подземная кузница, где царит этот женский Вулкан, не боящийся никакого пекла, никаких сплавов.

Следовало ли публиковать эту тетрадь с черновиками известных текстов (статьи о Маяковском и Пастернаке, Письмо Амазонке, плач об Орленке, ее высокомерный девиз «Не снисходи»? Следовало ли влезать в эту печь, где раскаленная смесь слов все время проходит через огонь, где языковая жадность Марины доходит порой до навязчивой ектении, до некоей шаманской параномазии, которая напоминает лучшие стихотворения Пеги, «Ева», или «Вторые врата», или прекрасные «Катрены». Да, следовало, если мы хотели проникнуть в кузницу и увидеть докрасна раскаленный металл в огне.

Упорный кузнец, Марина хочет, чтобы все помещалось и сжималось между двумя берегами реки, реки единой и опасной, идет ли речь о реке поэзии, пола, языка или страдания. Поэзия? Во что бы то ни стало надо было, чтобы Пастернак и Маяковский стали богами-близнецами, которым противостоит все, один – реальный, другой – нереальный, один земной, другой – воображаемый (и тут она все же искажает даже Пастернака, но можем ли мы протестовать перед ее риторическим потоком?). Маяковский ведущий и ведомый, Пастернак только ведомый... Пастернак микроскоп, Маяковский телескоп... Кузнец бьет по материи до тех пор, пока она не сдастся ее молоту, ее дихотомиям. Структура в форме сказки всегда близка. Двери действительности окружают нас, и «за одной из них кто-то, что-то ждет».

Этот таинственный круг дверей, за которыми что-то скрывается, может ли быть порталом заколдованного замка, замка Синей Бороды?

Сменить берег и сменить мир! Вот, что бесконечно делает Цветаева-влюбленная, Цветаева-охотница, «прокаженная», меняющая берега, всегда избирающая самую зловещую дверь.

Вечно животворный враг – это мужчина, самец, дающий семя, которое даст ребенка, и разрушающий светлое и сестринское согласие "женских я"-близнецов. Мужчина-брешь в неприступном женском мире, но благодаря этой бреши – возникает поэзия, страдание, вызов невозможному, проклятие "Орленку", сыну сверженного Наполеона, обреченному принцу герцогу Рейхсдадтскому. И ко всем ссыльным, всем проклятым и заживо замурованным, заживо замурованная Цветаева ощущает себя невероятно близкой.

Находки Марины во французском порой также же удивительны, как и в русском, хотя природа их совершенно иная. Как тот «пар ужаса», который сопровождает женщину, в то время как мужчина прост, чист, законен. Как та «незыблемая стена», на которую она бросается. Перевод ее стихотворения «Молодец», сделанный самой Мариной, это, конечно, главное свидетельство, позволяющее судить о французском берегу поэтического потока Цветаевой. Принцип литании кажется движущей силой этого черновика, и поэт пытается привнести во французский утраченные синтаксические структуры, которые сохранились в латыни (супин): «*Tout promis, elle s'endort, fleur sous le dard du frelon*», что позволяет вдохнуть во французский немного той самой энергии русской поэтической кузницы.

Что же касается содержащихся в «Красной тетради» писем, часть из которых написаны адресатам, забытым самим автором, то это настоящая груда черновиков, как бы словесных "инсталляций". Работа всей

жизни над собой, пишет она, состоит в стремлении поймать первую, спонтанную, мгновенную форму...

Эта «игра в догонялки», возможно, действительно, является первой движущей силой ее поэзии, ее прозы, ее жизни; и если «Красная тетрадь» позволит лучше это почувствовать, то ее запоздалая публикация оправдана.

«Красная тетрадь» была передана мне Марком Львовичем Слонимом в один из его приездов ко мне в Верхнюю Савойю. Он объявил, что у него есть несколько вещей, с которыми, с возрастом, он не знал, что делать, и которые он хотел передать мне в полное владение. Я удивился и спросил, каковы будут его инструкции. Их нет, сказал он мне. На Ваше усмотрение. Я хранил «Красную тетрадь», занятый многочисленными другими делами. Я доверил фотокопию Веронике Лосской, автору многих трудов о Марине, внесших большой вклад в изучение Цветаевой. Недавно я осознал, что должен принять решение о судьбе «Красной тетради» и других документов, доверенных мне Марком Львовичем. Так и возникла эта публикация, подготовленная двумя известными специалистами по Цветаевой. Симметричная публикация должна скоро появиться в России, благодаря усилиям Пушкинского дома, Института литературы Российской Академии наук в Санкт-Петербурге. Если это случится, москвичка Марина войдет в город на Неве. И последняя тайная лаборатория поэтессы будет представлена публике. Не думаю, что она была бы против: написанное ею постоянно прет напоказ, под сильнейшим давлением, которое требует выставления.. Кочуя из одного языка в другой Цветаева оставляет много своей души, так как ей хочется забрать все, а это невозможно. Она перевела на французский «Пророка» Пушкина, и этот перевод передает тоску этой кочующей души, находящейся в постоянной миграции. Мы находим там такое выражение: «Et me broyant comme un osier /Il arracha de mon gosier /Ma langue vaine, langue folle». Эта согнутая ветка ивы, которой нет в оригинале, но которая передает оригинал лучше, чем точный перевод, свидетельствует о болезненном процессе перехода Цветаевой в два языка, в два пола, две стороны жизни и смерти. И о ее попытке выжить.

От редакции: «Письмо к Амазонке» — это написанное Мариной Цветаевой в 1932 году по-французски эссе, обращенное к американской писательнице Натали Клиффорд Барни, известной парижской «амазонке», автору книги «Мысли амазонки». Его русский текст вы можете [прочитать здесь](#), а если эта тема вас заинтересовала и вы хотите узнать больше, приходите на вечер в книжном магазине «Золотое перо» - подробности [здесь](#).

[Марина Цветаева](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/12780>